

«Пропал без вести»: что означала эта фраза в Великую Отечественную

Официальные безвозвратные потери советских вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны и во время кампании на Дальнем Востоке составили почти 8,7 миллиона человек. Около половины из них считаются пропавшим без вести и остаются в таком статусе до сих пор. Из-за чего многие солдаты оказались «неизвестными»?

Пропавшая половина

Как следует из данных, опубликованных на сайте Минобороны России, составленных на основе войсковых донесений и сведений органов репатриации, в 1941-1945 годах пропало без вести или попало в плен 3,396 миллиона военнослужащих. 3,3 миллиона из них – красноармейцы и моряки, порядка 23 тысяч – пограничники, ещё 68 тысяч – представители внутренних войск. Кроме того, без вести пропала часть из 1,162 миллиона неучтённых потерь первых месяцев Великой Отечественной. К пропавшим без вести также отнесли 500 тысяч военнообязанных, призванных по мобилизации, но не зачисленных в списки личного состава. В боевые потери их не зачисляют, но, естественно, включают в общие для страны. Но даже без них итоговое число солдат, пропавших без вести – колоссальное. 4,5 миллиона – это чуть больше, чем население Хорватии, и чуть меньше населения Коста-Рики. Почему их так много? Причин на то было множество, но как правило, эксперты выделяют три основных. Первая и самая очевидная – стремительные темпы наступления вермахта в 1941-1942 годах и не менее резвое отступление советских войск, объяснял в интервью Lenta.ru историк-архивист, редактор журнала «Военная археология» Сергей Садовников. Видимо, именно из-за неразберихи на начальном этапе войны Минобороны и выделяет потери первых месяцев в отдельную категорию. «Во-вторых, крупномасштабный, ожесточенный и затяжной характер боевых действий в течение всей войны на огромной территории», — продолжил Садовников. Главная же причина заключалась в том, что у Красной армии просто не было надёжных средств опознания погибших. В современных Вооружённых силах России для этого используются жетоны, на которых наносится личный номер военнослужащего. Аналогичные таблички к началу Великой Отечественной уже применялись в американских войсках. В СССР же предпочитали эбонитовые медальоны. Впервые они появились в 1917 году, то отменялись, то снова вводились – в последний раз как раз перед войной, 15 марта 1941 года. Медальоны представляли собой небольшой чёрный пенал шестигранной формы с завинчивающейся крышкой. Туда помещались два листка бумаги, на которых военнослужащий записывал свои личные данные и адрес родственников. Предполагалось, что при погребении солдата один экземпляр должен остаться при нём, а второй – передан в штаб части. Однако ход боевых действий редко позволял похоронить погибшего, как положено, а сохранность бумажного вкладыша в

агрессивной среде оставляла желать лучшего. Не самым удачным решением в этом плане стало введение в октябре 1941 года красноармейских книжек. Правда, изначально они предназначались для борьбы с агентами противника, но очень быстро стали главными средствами идентификации. Особенно после отмены в 1942 году медальонов, с производством которых то и дело возникали проблемы и которые не пользовались популярностью у солдат, в том числе из-за суеверий. «Это решение существенно повысило процент пропавших без вести», — констатировал Садовников.

15 дней на поиск

На количестве пропавших без вести сказывалась также путаница, часто свойственная боевым действиям. Учёт потерь вёлся в соответствии с приказом Народного комиссариата СССР от 15 марта 1941 года. Этим документом командирам предписывалось, в частности, после каждого боя проверять личный состав и немедленно доносить о безвозвратных потерях. Когда смерть солдата была установлена, а место погребения – известно, разрешалось известить родственников о произошедшем. Потерявшиеся бойцы – те, про кого не было достаточной информации, в свою очередь, продолжали учитываться в штабе полка как временно выбывшие, на их поиск отводилось 15 дней. «После 15-дневного срока без вести пропавшие заносятся в список безвозвратных потерь, исключаются из списков части с донесением по команде. По истечении 45 дней о без вести пропавших извещаются родственники. Если впоследствии судьба без вести пропавших военнослужащих выяснена, то о них немедленно сообщаются дополнительные сведения как по команде, так и РВК или родственникам», — говорится в документе. Полученное извещение было основанием для назначения пенсии. При таком порядке оказаться пропавшим без вести мог любой солдат, отставший от подразделения при передислокации. Или, например, раненый, подобранный другой частью или попавший в госпиталь, особенно если он остался без документов. Кроме того, иногда при бомбёжке гибли целые роты вместе с командиром, и тогда просто некому было составить донесение о потерях. Тогда к потерявшимся могли отнести всё подразделение. Наконец, статус пропавшего мог получить даже умерший при свидетелях, если нельзя было точно установить место его кончины. К тому же по-особому велся учёт солдат, попавших в окружение или оказавшихся в плену. Информацию о них советское командование вообще раскрывало крайне неохотно, и всех умерших и убитых в концлагерях предпочитало записывать в категорию пропавших без вести. Именно этим объясняется рост потерь в данной категории в конце 1943 – начале 1944 годов – как раз тогда у СССР появилась более точная информация о бойцах, попавших в неволю. Связано это было, в первую очередь, с тем, что власти не хотели считать погибшими за Отечество тех, кто, возможно, оказался дезертиром или, хуже того, предателем. По подсчётам Минобороны, которые «Новой газете» привёл заведующий казанским Музеем-мемориалом Великой Отечественной войны Михаил Черепанов, из примерно

пяти миллионов пропавших без вести, изменников – примерно 700 тысяч человек. «Поэтому для родственников солдат, не вернувшихся с войны, такая формулировка на долгое время становилась клеймом, под которым скрывалось подозрение в сдаче в плен и переходе на службу к немцам», — рассказал Сергей Садовников. Одного отсутствия недостаточно. В историографии также бытует мнение, что власти намеренно списывали большинство потерь на пропавших без вести, чтобы платить меньше пособий родственникам погибших. Однако Садовников отмечает, что такая точка зрения не имеет документального подтверждения. Более того, существует немало нормативных актов, доказывающих обратное. Ещё в 1940 вышло постановление Совета народных комиссаров, устанавливающее пенсии семьям как погибших, так и пропавших в период боевых действий. Право последних на пособие было подтверждено уже через неделю после начала войны указом Президиума Верховного Совета, а позднее распространено Совнаркомом на всё время войны и продлено до конца 1946 года. Другое дело, что получить пенсию семьям пропавших без вести было сложнее, чем погибших. Для выплат требовалось решение комиссии при городском или районном исполкоме, а там нередко были случаи излишнего бюрократизма и весьма своеобразных трактовок действующих норм. «По факту, чтобы признать солдата официально пропавшим без вести, его отсутствия было недостаточно. Мало ли куда он мог деться, отвечали в военкоматах. Может, он дезертировал и сейчас живет себе припеваючи. Или сдался в плен и остался у немецкой вдовушки? Или просто не вернулся к семье, а у нас нет данных о демобилизации», — пишет обозреватель Газета.ru Алена Солнцева. К тому же на оккупированных территориях пенсия, естественно, не выплачивалась. Всё поменялось после войны. Получить деньги семьям «неизвестных» уже было проще, но теперь налицо была разница между пропавшими и погибшими: родственниками первых платили пособия по 30 рублей в городе и по 12 – на селе, вторых – сразу по 200 рублей. Вместе с тем, то же постановление Совнаркома, продлевающее действие пенсий до 1946 года, вводило исключительные льготы – по выдаче зерна, скидкам на топливо, помощи с жильем и другие. Но к семьям пропавших без вести они уже не имели никакого отношения...

Иван Рощепий